УДК 81'23

ИМЕННЫЕ КОМПОЗИТЫ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Г.Н. Семенова

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары
E-mail: morf@chuvsu.ru

Проанализированы именные композиты (сложные двухкомпонентные образования), присущие всем естественным языкам мира, т.к. в них содержится огромный культурно-исторический потенциал. В качестве иллюстративного материала рассматриваются термины древних религиозных верований и родства чувашского народа, антропонимы и топонимы (в сравнительно-сопоставительном плане), которые свидетельствуют об индивидуальности образного мышления конкретного народа, представляющего собой сложный ассоциативно-психологический процесс.

Именными композитами в настоящей статье названы двучленные наименования, структурно организованные по моделям определительных словосочетаний (рус. божий свет, чув. вутăш хĕр «русалка»). В лингвистической литературе они называются сложными словами, составными терминами, композитными образованиями. Данные единицы фиксируются почти во всех естественных языках мира и являются языковыми универсалиями.

В настоящее время функциональный аспект взаимосвязи специфики национальной культуры и семантических исследований является одной из наиболее актуальных проблем. Изучение данного вопроса позволяет расширить онтологическую картину языка как общественного явления. Характерно, у каждого народа, помимо символов, эталонов, общих с другими народами, существует система образов, характерных для данной лингвокультурной общности. В лингвистических исследованиях неоднократно упоминается о том, что, раскрывая образный стержень языкового выражения, можно восстановить воззрения народа на ту или иную эпоху. Это говорит об индивидуальности образного мышления конкретного народа, представляющего собой сложный ассоциативно-психологический процесс.

Языковая избирательность, несомненно, связана с объективными факторами: в частности, с различием природных и социально-экономических условий, в которых живут носители соответствующих языковых вариантов, особенно с практическими потребностями носителей соответствующего языка. Изучение именных композит в гносеологическом и онтологическом аспектах позволяет изучить сам процесс отражения национальной культуры в языке и выявить факторы, способствующие образованию их значений в языке и речи.

Экологическая среда, при всей ее необходимой для существования человека однородности, значительно различается в разных уголках земли и особенностями климата, фауны, флоры, и чисто ландшафтными характеристиками. Попадая в сферу человеческой деятельности, природные образования вовлекаются в область культурных интересов социума и получают названия, отображающие общественный опыт носителей языка, их субъективные и прагматические оценки. Природные метафоры становятся своеобразным метафорическим мерилом окружающей нас самой же природы, принимая участие в образовании новых понятий. На операционном аспекте человеческой деятельности сказываются и особенности историко-культурного характера, поскольку человека окружают не только природные явления, но и предметы, созданные людьми, в которых осуществлена деятельность предшествующих поколений.

Далее эти положения мы попытаемся проиллюстрировать на отдельных лексико-тематических группах именных композитов чувашского и других языков.

Религиозные верования. В представлении наших предков язычников человек и природа были едины. Закономерности номинативной деятельности человека, имеющие древнейшие корни в дологическом мышлении, во все времена привлекали внимание научной мысли. Исследователи дологического мышления, т.е. мышления, отложившегося в языке, мифологии, религии, искусстве, должны начинаться с поисков первичных, доисторических форм зарождения представлений человека о мире, не базирующихся на категориях рассудка. Автор книги «Мифоязыческая картина мира», в которой изложены вопросы картины мира, мифологии, языческой религии, а также магические обряды чувашского народа, Г.М. Матвеев отмечает: «Религиозно-мифологическая информация народа о мире не менее важна, чем научная, т.к. она является одним из источников для анализа этноса, его менталитета, образа жизни, традиций и обрядов, т.е. его материальной и духовной культуры» [1. С. 3].

Язычество – это та религия, которая в представлении дохристианских чувашей почитала культ сил природы (воды, огня, животных, птиц, растений), а также небесных светил (главным из которых было Солнце), их перевоплощение в человека и наоборот. Язычество служило для наших предков одним из объединяющих начал. «Эти верования в те далекие времена были очень устойчивы и в силу этого они в известной мере модифицировали многие понятия ислама, а позже и христианства», – отмечает М.Р. Федотов [2. С. 62].

Так, языческие культовые обряды незаметно слились с культом мусульманских и христианских святых, с сохранением привычных им терминов или заимствованием новых слов, многие из которых все еще сохраняются у чувашей, мари, мордвы, удмуртов, коми и даже у тюрок-мусульман (татар, башкир и т.д.) в одинаковом или сходном звучании. Например, культ богородицы (чув. *турă амăшĕ*) – понятие, заимствованное их христианского вероучения. Оно внедрилось в сознание благодаря тому, что у чувашей издавна существовала вера в *ама* «самка», «мать», «название богини, которая считается матерью всего мира». То же мы наблюдаем у соседних тюркских и финно-угорских народов, где обожествляется идея рождения. Сравните: чув. *шыв амăшĕ* «матерь воды»; тат. *су анасы* «матерь воды»; морд. *ведь-ава* «мать воды». Если явления природы рождаются, значит, у них есть родоначальница – мать. Видимо, поэтому основной частью собранного нами материала по этой лексико-семантической подгруппе составляют названия женских божеств: *хĕвел амăшĕ* «мать солнца», *çĕр амăшĕ* «мать земли», *çут амăшĕ* «матерь света», *киремет амăшĕ* «матерь киреметі», *тырă амăшĕ* «матерь злаков», *вут ами* «мать огня» и т.д. Видимо, они возникли еще в эпоху матриархата.

Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира. По мысли Э. Кассирера, структура мифологического и языкового мира в значительной степени определяется одинаковыми духовными представлениями: «Миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык – благодаря мифу» [3. С. 41].

Термины родства. Терминами родства, как известно, называются слова, образующие определенную лексико-семантическую группу с интегральным признаком «родственные отношения между людьми». Терминология родства относится к наиболее архаическим пластам лексики. В этой лексико-семантической группе названия, отражающие главнейшие родственные отношения, бесспорно, входят в основной словарный фонд каждого языка. По подсчетам исследователей, в чувашском языке тематический ряд, включающий термины родства, включает более сорока названий. Описанию и изучению семейно-родственных отношений у отдельных тюркских народов посвящены работы многих отечественных ученых, прежде всего в этнографическом плане. Есть такие работы и у чувашских исследователей (Н.И. Ашмарин, В.Г.Егоров, Н.И. Егоров, В.И. Сергеев и др.).

В частности, Н.И. Егоров так характеризует современное состояние чувашской терминологии родственных отношений в историко-этимологическом плане. «В своей основной, архаичной части она через последовательные диахронические уровни восходит к пратюркской терминологии родства, которая была общим достоянием предков всех или большинства современных тюркоязычных народов. Наряду с архаичными элементами современная чувашская терминология родства и свойства содержит в своем составе ряд инноваций, проникших в булгаро-чувашский язык главным образом в золотоордынский и казанский периоды среднебулгарской эпохи. В новобулгарскую или собственно чувашскую эпоху система чувашской терминологии родства обогащалась в основном за счет русских заимствований» [4. С. 3]. Мы коснемся лишь некоторых особенностей чувашской системы родства, относящихся к объекту нашего исследования, а именно тех терминов, которые представляют собой именные композиты.

Родство у чувашей, как и у других народов, распадается на родство по отцовской линии и родство по материнской линии. Для названия бабушки и дедушки со стороны отца используются композиты, образованные сложением двух слов: асанне < *аслă* «старшая» + *анне* «мать», асатте < *аслă* «старший» + *атте* «отец». По этому же типу образуются слова для обозначения бабушки и дедушки со стороны отца в других тюркских языках (уйг. *чан ана*, кирг. *чон эне*, тур. *буйук анне*, кирг. *чон ата*, ног. *карт атай*) [5. С. 34].

В современном чувашском языке, как и в некоторых других тюркских языках, на уровне диалектов существуют по два, иногда по три и более термина для обозначения одного и того же родственного отношения. Есть они и для обозначения бабушки (*аслапай, асапай* < *аслă апай, ват асанне* < *ват* «старая» + *асанне* «бабушка», *ват кукамай* «старая бабушка» и *ват асатте* < *ват* «старый» + *асатте* «дедушка», *мăн асатте* < *мăн* «крупный, большой» + *асатте* «дедушка»).

Видимо, слово *аслă* «большой, старший» было в особом почете у наших давних предков. Оно встречается в составе не только других терминов родства (*аслă акка*, *мăн акка* «старшая из сестер, *аслă ывăл* «старший сын», *аслă инке* «жена старшего из старших братьев моего мужа», *аслă кин* «старшая сноха», *аслă хĕрсем* «старшая из младших сестер мужа»), но и при обозначении разных понятий и предметов, связанных с историей и этнографией народа, к которым представители его относились с особой почтительностью и уважением: *аслати* «гром», *аслати амăшĕ* «мать бога-грома», *аслати турри* «бог грома», *аслати тухнă аслă ырă* «назв. божества, которому подчинена та часть неба, где возникает гром».

К широко употребляемым терминам родства по крови относятся термины *ывăл* «сын» и *хĕр* «дочь». Они являются не только терминами родства в собственном смысле слова, но обладают более широкой семантикой: выражают понятия «мальчик», «дитя мужского пола», «юноша» и «девочка», «девушка», «дитя женского пола». Это свойственно многим тюркским и нетюркским языкам. На основе этих двух терминов образуется множество терминов-композитов, состоящих в основном из двух, реже трех и более компонентов.

Младшие братья мужа, за исключением первого из них, которого сноха зовет «*ывăлсем*», прочие называются *чипер ывăл* «второй деверь» (досл. «красивый, пригожий сын»), *вăталăх ывăл* «третий деверь» (досл. «средний сын»), *сарă ывăл* «четвертый деверь» (досл. «русый (светлый) сын»), *шур ывăл* «пятый сын» (досл. «белый сын»), *кĕçĕн ывăл* «младший деверь» (досл. «младший сын»). Термин *хĕр* также является общетюркским, оно имеет лишь различные фонетические окраски в соответствии с характерными для того или иного языка фонетическими особенностями.

Антропонимика. Каждый национальный язык имеет исторически сложившуюся систему антропонимов. В основе этих наименований отражаются менталитет народа, его история, события повседневной жизни и быта.

Автор статьи «Структурно-функциональное развитие антропонимических формантов в тюркских языках» В.У. Махпиров отмечает, что мужские и женские имена у тюрков различались отчасти и по семантике: «названия хищных животных и птиц, слова со значениями доблести, геройства, силы, мудрости и т.п. становились именами мальчиков, а наименования цветов и драгоценностей, слова, выражающие понятия красоты, нежности и т.п. составляли основу женских имен» [6. С. 37–43]. Это подтверждается и на материале чувашского языка. В состав дохристианских личных женских имен в качестве постпозиционного элемента часто входил формант **пи** (пике «сударушка, госпожа»), а первыми компонентами становились «слова-посулы»: «луна», «солнце», «здоровье» и т.п. (*Уйăхпи, Хĕвелпи, Сывлăмпи*).

В целом многообразие предметных систем, объединяющих прозвища, может быть сведено к нескольким сферам: **внешние признаки** (*Вĕтти Алюшĕ* «досл. мелкий, низкорослый Алеша», *Вăрăм Ваççиль* «досл. длинный Василий»); **внутренние признаки** (ярко выступающие те или иные особенности характера или поведения лица): *Шăрчăк Гали* «досл. *шăрчăк* «сверчок» + *Галя*» (заносчивая, неуравновешенная женщина»), *Малти Туня* «досл. малти «передняя, в первых рядах» + Антонина» (женщина, имеющая качества лидера), *Суя Максăм* «досл. суя «ложь, обман» + *Максим*» (любитель приврать), **род деятельности** (профессия, любимое занятие): *Кантăк Якур* «стекольщик Егор», *Арман Кĕркури* «мельник Григорий», *Стрелук Ваççи* «стрелок Василий».

Как видно из примеров, персоналии получают название как по существенному, так и по несущественному признаку. Выбор наименования животного или птицы (зоономики) в качестве прозвища зачастую определяется своеобразием окружающего мира, населяющего данную территорию, распространенностью или хозяйственной ценностью того или иного животного: *Мулкач Ваньки* «досл. заяц + Иван» (любил охотиться за зайцами), *лаша Петĕрĕ* «досл. лошадь + Петр» (всю жизнь работал конюхом), *Шăши Толи* «досл. мышь + Толя» (имеет маленький рост).

Топонимика. Наблюдения показывают, что основной моделью чувашского географического имени является двухкомпонентная синтагма, образующаяся часто за счет географических номенов. Они представлены атрибутивными и предикативными разновидностями, из которых первая составляется непритяжательной и притяжательной атрибутивными синтагмами с их многочисленными вариантами. Таковые могут иметь в качестве второго компонента безаффиксальное имя нарицательное и имя собственное, или имя нарицательное аффиксальное. В притяжательную атрибутивную синтагму входят и такие сочетания слов, которые в тюркологической литературе принято называть «изафетом», при этом компоненты могут быть оформлены: а) без фонетических изменений и б) с фонетическими изменениями. Например, исследователь А.С. Канюкова приводит следующие примеры топонимов Цивильского района с компонентами *ту* (диал. *тăв*) «гора» и *уй* (диал. *ой*) «поле»: Хуралту «Караульная гора»; Çăватайкки «Название леса, который находится вблизи скотомогильника, на горе»; Хултăвай «Название горы, находящейся вблизи города» [7. С. 130–131].

Роль и значение географического фактора в формировании и функционировании топонимиконов различных этносов не одинакова. Автор статьи «Национально-культурные семы в структуре значения английских фразеологических единиц» Н.Д. Петрова, анализируя названия административно-территориального устройства (названия британских и американских городов и штатов), подчеркивает, что эти названия отражают своеобразие природно-географической среды и истории, особенности быта и обычаев населения. При этом приводятся следующие примеры: штат Миссисипи – Магнолиевый штат (это дерево широко распространено в этом штате, оно с 1938 года является официальным его символом); штат Орегон – Бобровый штат (название ассоциируется с той ролью, которую играла пушнина, в частности шкурки бобра, в истории орегонского края. Жители штата Орегон с гордостью воспринимают прозвище «бобры», так как с ними у американцев ассоциируются такие качества, как сообразительность, трудолюбие, изобретательность). «Данные наименования можно отнести к вариантам топонимов как по функциям значения названий, так и по их эмоциональной и социальной нагрузке», – заключает автор [8. С. 16].

Интересен вывод исследователя Е.А. Керимбаева относительно казахских имен, обозначающих тот или иной цвет, величину, форму, размер: «Это объясняется большим значением (ролью) зрительного (визуального) восприятия кочевниками реалий окружающей их среды, физико-географических объектов» [9. С. 19].

Исследования функционирования топонимов проливает свет и на проблему взаимодействия языков и является отражением общего языкового процесса взаимовлияния и взаимообогащения контак-

тирующих языков. Например, для выяснения вопросов культурно-исторических схождений и расхождений чувашского, марийского и других народов большую ценность представляют прежде всего названия населенных пунктов, маркированные формантами -***кар***, -***мар***(-***мер***), -***ваш***(-***вăш***). Относительно -*кар* (со значением *гнездо*, *город*) известный чувашский исследователь М.Р. Федотов замечает, что помимо того, что он входит в состав шести чувашских топонимов, он часто встречается в топонимах Коми АССР (Сыктывкар, Шурышкар), Удмуртской АССР (Ошак-Кар, Жутэм-Кар, Зуй-Кар, Садей-Кар, Пор-Кар). Сюда же относится марийское назание горы в Сернурском районе: *Мышкар курык* (р. Муш + кар + курык «гора»), букв. «Крепостная гора на р. Муш» [2. С. 13]. Автор делает вывод о том, что общность топонимов с формантом -*кар* указывает на общность их создателей, которыми были финно-угры, возможно, времен пермской общности финно-угорских племен. Но он также допускает вариант кавказского заимствования и высказывает мнение, что ряд слов чувашского языка подтверждает существование контактов между тюркоязычными и ираноязычными племенами.

В словаре Н.И. Ашмарина приводятся примеры ойконимов (17 селений) с компонентом Хапăс: Анаткас Хапăс, Мăн ял Хапăс, Çĕн ял Хапăс, Чиркӳллĕ Хапăс (по-русски Абызово) и т.д. М.Р. Федотов приводит следующую словарную статью относительно этого слова: «Арабское слово хафиз (знающий наизусть Коран) у казанских татар (абыз) означает ученого, а у чуваш (апăс) – знатока молений, а также повитуху» [10. С. 21]. В словаре Н.И. Ашмарина дается следующий комментарий относительно значения данного слова: «Нечто в роде жреца на молениях. «Апăс» – глава совершающих моленье, он знает молитвы, употребляемые при жертвоприношениях лучше чем другие. Когда сварят кашу и выложат ее в посуду, то прикажут призвать жреца и велят ему совершить моленье. Также означает бабку-повитуху, очевидно, по той причине, что повитухи являются исполнительницами некоторых обрядов, связанных с рождением ребенка» [11. С. 285].

Таким образом, онимия любого народа содержит огромный информационный культурно-исторический потенциал. Она может заключать в себе данные о расселении и этническом составе народов, данные о материальной и духовной культуре, отражать религиозное мировоззрение и верования, обычаи и другие сферы духовной и социальной жизни народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев Г.М. Мифологическая картина мира. Конспект лекций. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2003. – 99 с.
2. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – 334 с.
3. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 75 с.
4. Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. – Чебоксары: НИИЯЛиЭ, 1982. – С. 3–26.
5. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 356 с.
6. Махпиров В.У. Структурно-функциональное развитие антропонимических формантов в тюркских языках // Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С. 37–44.
7. Канюкова А.С. Чувашская диалектология. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 147 с.
8. Петрова Н.Д. Национально-культурные семы в структуре значения английских фразеологических единиц // Вопросы филологии. – 1999. – № 2. – С. 14–21.
9. Керимбаев Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – Алма-Ата, 1992. – 61 с.
10. Федотов М.Р. Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. – Чебоксары: НИИЯЛИиЭ, 1992. – 179 с.
11. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. В 17-ти томах. Т. 1. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 584 с.